

Константин ЗЕНКИН

ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ КОНСЕРВАТОРСКОГО ПОСЛЕВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В СВЕТЕ ПРОЕКТА ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «ОБ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Болонская система по своей идее призвана обеспечить свободу и мобильность образовательного процесса — прежде всего, в отношении выбора специальности, мест обучения и изучаемых дисциплин. Эта система создавалась в расчете на «среднестатистического» студента в «среднестатистической» ситуации исходя из установок и традиций европейско-американской культуры и образования. Применение Болонской системы крайне затруднительно в условиях, заметно отличающихся от среднестатистической нормы. Ясно, что задачи, стоящие перед консерваториями, и, тем более, пути их решения существенно отличаются от ситуации в подавляющем большинстве высших учебных заведений. Но меньшинство в данном случае не означает меньшей значимости, и именно специфика русских консерваторий до сих пор позволяла нашей музыкальной культуре и музыкальному образованию занимать одно из лидирующих мест на международной арене.

Эта специфика, если говорить в самом общем плане, заключается, во-первых, в установке на формирование целостной творческой личности с высоким уровнем общехудожественной культуры, то есть в особом уровне единства практической (артистической), научно-теоретической и гуманитарной составляющих; во-вторых, в особой значимости личностного фактора в образовательном процессе, что привело к образованию устойчивых исполнительских школ. Первый

Зенкин Константин Владимирович — доктор искусствоведения, проректор Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского по научной и творческой работе, профессор кафедры истории зарубежной музыки

же момент выразался в том, что с самого начала своего существования российские консерватории были солидными научно-методическими, издательскими и исследовательскими центрами.

Какие инновации осуществляются в Московской консерватории на современном этапе, и, в частности, как именно на развитие нашего вуза проецируется Болонский процесс? В течение прошедшего года в Консерватории была создана новая структура — Научно-методическое управление послевузовского профессионального образования и инновационных образовательных программ. Мы принципиально отстаивали специалитет как форму, необходимую для подготовки музыканта-профессионала высокого класса. Но там, где это возможно и целесообразно, мы планируем введение бакалавриата и магистратуры: например, при обучении музыкальных менеджеров и журналистов. Также предполагается открытие магистратуры для иностранных граждан, получивших у себя на родине степень бакалавра.

На нынешнем этапе осуществление Болонского процесса в России воспринимается сквозь призму проекта Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», вступление которого в силу намечено на 2013 год. А. С. Соколов в своем докладе подверг обстоятельному критическому анализу данный проект, осветив серьезные проблемы, возникающие на всех возрастных уровнях музыкального образования. Я же остановлюсь на тех, которые относятся к сфере моих непосредственных должностных обязанностей и касаются последипломных программ.

Первый, очень серьезный и наболевший вопрос — об ассистентуре-стажировке. Послевузовское обучение музыкантов-исполнителей и композиторов в аспирантуре ставит их перед необходимостью написания диссертации или реферата, соизмеримого по объему с диссертацией. А. С. Соколов очень красноречиво объяснил, к какой профанации это в большинстве случаев приводит. Поэтому саму идею восстановления ассистентуры-стажировки можно только приветствовать, но формы, в которых это предполагается осуществить, не могут не вызвать возражений.

Сравним ассистентуру-стажировку с аспирантурой. В обсуждаемом законопроекте программа аспирантуры определена как «программа подготовки научно-педагогических кадров», по завершении которой (ст. 131, п. 3) присваивается квалификация «преподаватель высшей школы», а в случае защиты диссертации выдается диплом кандидата наук.

Программы ассистентуры-стажировки (ст. 161, п. 2) определены как «специализированные последипломные профессиональные образовательные программы, обеспечивающие подготовку специалистов высшей квалификации творческого мастерства и педагогических кадров в области искусства». Согласно дальнейшему пояснению, «освоившим в полном объеме программу ассистентуры-стажировки и прошедшим государственную (итоговую) аттестацию» выдается «диплом о соответствующей квалификации» (ст. 161, п. 15). Таким образом, о квалификации преподавателя высшей школы не сказано ни слова. Отличие от аспирантуры очевидно. В предложениях Министерства культуры РФ, заблокированных Министерством образования, содержалось следующее важное положение: «Ассистенты-стажеры приравниваются к аспирантам высшего учебного заведения соответствующей формы обучения и обладают теми же правами и обязанностями, за исключением подготовки диссертации на соискание ученой степени кандидата наук».

Однако и этого совершенно недостаточно! Необходимо законодательно закрепить такой статус ассистентуры-стажировки, который давал бы возможность рассматривать ее в числе основных образовательных программ — как одну из форм третьей (последипломной) образовательной ступени, наряду с аспирантурой и адъюнктурой. Напомню, кстати, что в России Болонская система интерпретируется как «двухуровневая» (бакалавр—магистр), в то время как в Европе она неизменно квалифицируется как «трехуровневая» (бакалавр—магистр—доктор философии). Выпадение третьего уровня в нашем обычном словоупотреблении свидетельствует о недостаточном к нему внимании. Но почему необходимо заимствовать одну часть Болонской системы и игнорировать другую? Почему Министерство образования РФ так настойчиво добивалось перехода на бакалавриат и магистратуру, но при этом оставляет ученую степень с «неполноценным» названием «кандидат наук» (что соответствует западному Ph. D.)? Но, что самое главное для творческих специальностей, на Западе есть не только Ph. D., но и степень Doctor of Musical Art, *не предполагающая* написания и защиты диссертации!

Признание ассистентуры-стажировки в качестве основной образовательной программы уравнило бы ее с аспирантурой и позволило бы ассистентам-стажерам воспользоваться отсрочкой от военной службы. Вряд ли нужно доказывать, какой ущерб подготовке музыкантов высочайшего уровня, какое снижение КПД нанесет прерывание профессиональной подготовки, связанной с утонченной гимнастикой пальцев и всего двигательного аппарата. Это громадные средства, выброшенные на ветер. Хотя, с моей стороны, было бы этичнее сначала сказать о людских судьбах и судьбе искусства, а затем об экономических интересах. А что произойдет, если выпускники консерваторий после выпускного бала будут призываться в армию? Мы получим новую волну эмиграции наиболее талантливых музыкантов.

Эмиграции может способствовать и второй нерешенный вопрос: отсутствие у выпускника ассистентуры-стажировки квалификации, полностью *равнозначной* нашей ученой степени кандидата наук. Напомню, что в законопроекте для выпускников ассистентуры-стажировки не предусмотрено даже присвоение квалификации «преподаватель высшей школы». По тексту законопроекта этот выпускник — всего лишь «специалист высшей квалификации творческого мастерства».

В проекте Положения об ассистентуре-стажировке, разработанном Департаментом науки и образования Министерства культуры России в 2009 году, была предложена такая квалификация: «мастер исполнительского искусства, преподаватель высшей школы». Но по Болонской системе мастер — это вторая ступень, то, что в России называли магистром. Тем самым в глазах всего мира российская ассистентура-стажировка становится фактически каким-то дополнением магистратуры, но никак не третьей образовательной ступени.

Другая серьезная проблема вызвана предполагаемыми изменениями в системе организаций высшего образования и касается уже не собственно искусства, а музыкальной науки, не исполнителей и композиторов, а музыковедов — теоретиков и историков. Согласно законопроекту, устанавливается три типа вузов: университет, институт и колледж. (Академии в новой системе существуют как организации дополнительного образования.) При этом программы подготовки научно-педагогических кадров (функция аспирантуры) и программы подготовки научных кадров (функция докторантуры) среди вузов реализуются только в

университетах. А помимо университетов, еще и в академиях переподготовки научно-педагогических кадров, и в научных организациях.

Эта ситуация со всей остротой ставит вопрос о дальнейшем существовании музыковедения в России. На Западе такой проблемы не возникает: там музыковедение как отрасль искусствоведения является университетской дисциплиной. У нас в России оно традиционно и весьма успешно существует в консерваториях. Сейчас я не буду подробно развивать тему «плюсов» и «минусов» консерваторской «прописки» нашего музыковедения. «Плюсы» очевидны: теснейшая связь науки с музыкальной практикой, от которой выигрывают обе стороны. Если и были некоторые «минусы», то они выразались в бóльшей обособленности музыковедческого цеха от смежных искусствоведческих дисциплин. Но сейчас внутри музыковедения активно наводятся «мостики» и к филологии, и к эстетике, и к теории изобразительных искусств. Словом, на данном этапе ведущие консерватории способны реализовать свой собственный университетский потенциал.

В самом деле, чем должна быть современная консерватория, как не самым настоящим университетом, где предусмотрен и институт электронной музыки, и научно-учебные центры по проблемам акустики, звукорежиссуры, информационных технологий, психологии восприятия и творчества, оперный театр, который, при современной и правильной постановке дела, синтезирует целый ряд направлений. К слову вспомним, что Б. А. Циммерман представлял свой идеал «тотального музыкального театра» (включающего балет, цирк, кино и многое другое) как автономный универсальный организм, наподобие большой космической станции, где имеется даже собственный научно-исследовательский институт. И это только театр — а чем же должен стать музыкальный вуз?

Впрочем, вернемся к нашей реальности и к необходимости совершенствования законодательной основы нашего образования. Во-первых, безусловно, необходимо сохранить вид *профильного университета*, которыми могли бы стать две первые консерватории России — Санкт-Петербургская и Московская. В законе говорится об особом правовом статусе Московского и Санкт-Петербургского университетов. Придание аналогичного статуса Московской и Санкт-Петербургской консерваториям, учитывая их совершенно особую роль в мировой культуре, напрашивается само собой.

В предложении Министерства культуры РФ сказано, что профильный университет, среди прочего, реализует программы подготовки научно-педагогических кадров (то есть программы аспирантуры). В дополнение к этому нужно столь же определенно сформулировать, что он реализует и программы подготовки научных кадров (в докторантуре).

Введение профильных университетов совершенно необходимо, но оно не решит проблему музыковедческой аспирантуры в целом, так как подавляющее число консерваторий останутся институтами или будут преобразованы из академий в институты. Министерство культуры предложило дать возможность институтам осуществлять программу подготовки научно-педагогических кадров (то есть сохранить аспирантуру). Это решило бы проблему, хотя (на случай несогласия со стороны Министерства образования, которое, возможно, не захочет допустить «подрыва» всей новой системы вузов) можно предусмотреть и другие варианты, например, законодательно дать возможность формирования научных организаций в структуре институтов (в этих научных подразделениях могли бы учиться аспиранты), подобно тому, как в структуре университетов предполагается существование научных институтов.

В любом случае, консерваторские выпускники-музыковеды, защитившие дипломные работы под руководством крупных ученых, должны продолжать обучение в аспирантуре у них же в консерваториях, а не в академиях по переподготовке научно-педагогических кадров, фактическая роль которых в научном мире совершенно незначительна.

Еще одна важная проблема — получение второго высшего образования для тех специальностей, для которых оно в принципе не может быть и никогда не бывает первым. Речь идет о дирижерах и режиссерах. При помощи магистратуры — не только двухлетней, но и гипотетической трехлетней — эту проблему решить нельзя. Необходимо найти форму для узаконивания исключительных случаев, связанных с получением ключевых специальностей — ключевых для нормального развития нашего искусства.

Как бы ни были сложны задачи, мы вместе с Министерством культуры РФ должны разъяснять специфику образовательных процессов в области искусства и добиваться соответствующих решений на государственном уровне, чтобы не утратить то ценное, что было достигнуто, а наоборот, развить его и умножить.